

Ганс Гейнц Эверс Смерть барона фон Фриделя

И Боги вняли молитвам нимфы Салмакиды: ее тело слилось воедино с телом ее возлюбленного, прекрасного сына Гермеса и Афродиты.

Аристобул

Мужчина - происхождение Солнца, а женщина происходит от Земли.

Луна же, которая происходит и от Солнца, и от Земли, создала третий пол - странный и необыкновенный.

Эриксимах

Нет, нет, это не правда, что барон фон Фридель покончил жизнь самоубийством. Гораздо вернее сказать, что он застрелил ее, баронессу фон Фридель. Или наоборот: что она его убила, - не знаю. Знаю только, что о самоубийстве тут и речи быть не может.

Я хорошо знаю всю его жизнь, я встречался с ним во всевозможных странах; в промежутках между этими встречами до меня доходили слухи о нем от знакомых. О подробностях его смерти я, конечно, не знаю более того, что знают другие: то, что писали в газетах и что рассказывал мне его управляющий, а именно: что он наложил на себя руки в ванне.

Вот некоторые моменты из жизни барона. Осенью 1888 года барон Фридель, цветущий юноша, "желтый" драгун в чине лейтенанта, участвовал в скачках с препятствиями. Это дело было в Граце. Я хорошо помню, как гордился им его дядя, полковник этого полка, когда он первый прискакал к флагу.

Посмотрите-ка на этого молодца! А ведь без меня он превратился бы в старую бабу!

Тут он рассказал нам, как около года тому назад разыскал своего племянника, которого воспитывала его сестра, старая дева, живущая в провинции.

Там, в замке Айблинг, вырос осиротевший мальчик, его воспитывали три тетки, одна старая и две помоложе.

Три сумасшедшие бабы! - смеялся полковник. - А его гофмейстер был четвертой бабой. Это был поэт, который воспевал женскую душу и в каждой развратнице видел святую. Я не хочу быть к нему несправедливым, надо отдать ему должное - он передал всю свою ученость мальчику: в пятнадцать лет тот знал больше, чем весь наш полк, считая и господ докторов. Ах, если бы только он знал одни науки! Но чему его только не научили там - становится прямо страшно. Это женщины выучили его вышивать, вязать другим очаровательным женским рукоделиям. Это был настоящий маменькин сынок, противно было даже смотреть на него; это было то же самое, что выпить приторного миндального молока! И что за вой поднялся у этих баб, когда я утащил у них этого мальчика! Да и мальчик так ныл, что я ни за что не взялся бы за это дело, если бы не память о моем брате, которого я очень любил. Но знайте, что у меня не было ни малейшей надежды сделать из этой кисейной барышни мужчину! А теперь - что за дьявол! Разве есть у "желтых" более блестящие лейтенанты?

С дьявольской улыбкой рассказывал дядя об успехах своего племянника. Как даже он сам во время попойки свалился под стол, а племянник продолжал сидеть как ни в чем не бывало; и как последний вышел победителем из единоборства, здорово задав своему противнику. И фехтовал он так, как никто другой в Граце: сабля в его руке была такая же гибкая, как какой-нибудь хлыст. Ну, а что касается верховой езды - это мы только что сами видели. А уж о женщинах и говорить нечего! Пресвятая Варвара! Такого дебюта в этой области не имел еще ни один кавалерист по обе стороны Леды. Когда он учился в Вене, в военном училище, он жил у одной хозяйки, у которой было три дочки - и все эти девицы ожидают теперь радостей материнства. Деньги на содержание он, конечно, охотно заплатит. Удивительный молодчина этот мальчишка!

Лет пять спустя я встретился с ним в маленьком городке Коломеи. Он был там с №
впрочем, не буду называть ее имени, она и теперь еще разъезжает по всему свету, и все
провинциальные газеты восторженно отзываются о том, как она изображает классическую
Медю. Но в это время ее имя гремело в императорском театре, а потому мне показалось
очень странным это артистическое турне по ужасным углам Галиции. Конечно, я пошел на этот

редкий литературный вечер; трагическая актриса декламировала нам
шиллеровского Дмитрия, а барон Фридель декламировал несколько неуверенно свои
хорошенькие мелодичные стихотворения. Я аплодировал восторженно обитатели Коломеи
приняли меня за авторитет, потому что я был в смокинге; и этот вечер имел громадный
успех. Потом я ужинал с обоими участниками; было ясно, что это путешествие было
свадебным. И это было очень странно, потому что барон получил от своих теток очень
круглую сумму после того, как бросил военную службу; что касается трагической актрисы,
то она только и делала, что швыряла деньги, которые получала в самом неограниченном
количестве. К чему же это таскание по грязным закоулкам Европы? Но загадка состояла не
только в этом. Всякий знает, что № она в течение своей жизни всегда сторонилась мужчин;
многие еще хорошо помнят громкий скандал, состоявший в том, что она однажды ночью
похитила прекрасную графиню Шендорф. Это было года за два до того, как я встретил ее в
Коломее с бароном; вскоре после этого скандала она надавала пощечин на одной репетиции
управляющему театру, который упрекал ее в том, что она ухаживает за его женой. Ни до
того, ни после того никто не слышал, чтобы великая Медя когда-нибудь имела Язона, а
теперь я сам видел, как она целовала руки барона. Я подумал, что их свел вместе алкоголь -
ведь по Грабену ходили сотни анекдотов об этой любившей выпить героине. И на этот раз
она не стеснялась и начала с того, что выпила перед супом большую рюмку коньяку. Но он
не проглотил ни капельки. Оказалось, что он превратился в самого страстного сторонника
умеренности. Что же это означало? Теперь я понял это странное обстоятельство, но тогда я
ничего не понимал.

Потом барон Фридель очень много путешествовал; иногда мне приходилось
встречаться с ним, но всегда мимоходом - едва ли я его видел в течение нескольких часов
зараз. Я знаю только, что он сопровождал Амундсена в его первую экспедицию на северный
полюс, что он потом в качестве адъютанта полковника Вильбуа-Марейля участвовал в войне
с бурами, был ранен при Мафекинге, а при Харбистфонте был взят англичанами в плен. За
этот промежуток времени появились том его стихотворений и очень интересный труд о
Теотокопули - это было плодом его путешествия по Испании. Это меня тем более удивило,
что меня всегда поражало странное сходство между бароном и портретом этого художника,
которого современники его называли "El Greco". И действительно, барон Фридель был
единственный человек, который всегда вызывал во мне представление черного с серебром.

Потом мне пришлось еще раз встретиться с ним в Берлине на одном заседании
Научно-гуманитарного комитета. Он сидел напротив меня между госпожой Инэс Секкель и
полицейским комиссаром, господином фон Тресков. Он снова пил и курил, смеялся, но,
по-видимому, очень интересовался докладом. Это было в то время, когда Гиршфельдское
резкое подразделение на гетер и гомосексуалистов почти всеми было признано, когда
думали, что научная сторона вопроса, в сущности, уже давно решена, и остается только
сделать практический вывод. Я мало говорил с бароном, но помню, что он мне сказал, когда
мы надевали наши пальто в передней:

Этим господам все представляется необыкновенно простым. Но, верьте мне № есть
случаи, к которым приходится применять совсем иную точку зрения.

Далее я знаю, что Фридель некоторое время жил у одной дамы, которую Стриндберг
очень забавно и не без оттенка презрения называет "Ганна Пай" и которой этот
многоглаголющий филистер с негодованием бросает в лицо обвинение в той же мании, какую
приписывают классической Медее. И в этом случае посещение барона представляет собою
такое странное интермеццо для обеих

сторон, что не так-то привети в какую-нибудь удобную норму.

Вскоре после этого барон был замешан в Вене в каком-то скандальном деле, которое было замято в самом начале и о котором даже в газетах едва упоминалось. Я почти ничего не знаю относительно этого, слышал только, что после этого родственники барона сразу прекратили выдавать ему средства на существование, что он распродал все свое имущество и уехал в Америку.

Несколько лет спустя я услышал совершенно случайно его имя в редакции одной немецкой лаплатской газеты в Буэнос-Айресе. Я стал расспрашивать о нем и узнал, что барон Фридель полгода работал при газете в качестве наборщика, а что раньше он был в Шубуте, где управлял плантацией одного немца. В последний раз его видели кучером в Розарио; однако он и оттуда исчез, и говорили, будто он скитается где-то в Парагвае.

В этой-то стране я его и нашел, и при очень странных обстоятельствах. Но необходимо, чтобы я сперва хоть немного рассказал о тех людях, которые любят называть Парагвай "обетованной землей". Там очень странное общество, вполне достойное того, чтобы о нем когда-нибудь написать целый роман. Однажды туда эмигрировал один человек, который хотел живьем проглотить всех евреев и думал, что спасет свет, если он из всех сил будет орать. У него были рыжая борода и рыжие волосы, и его большие голубые глаза открыто смотрели на Божий мир. "Ах, никогда ни один человек не был мне так симпатичен, как доктор Ферстер", - сказал мне однажды мой друг, присяжный поверенный Филипсон. И он был прав: нельзя было не любить этого человека с такой светлой верой во всевозможные идеалы и с его добродушной и детски-чистой наивностью; он был из тех, кто отправлялся в широкий свет в поисках за цветущими лугами утопии. С ним вместе эмигрировала Елисавета, его тощая ученая супруга. Она возвратилась через несколько лет; и вот она начинает рыться в бумагах своего большого брата, разыгрывает из себя покинутую Пифию и измляет безобидных бюргеров громкими словами: "Мой брат!" Но тот уже умер, и нет никого, кто спас бы его от сестриной любви. Еще и теперь ее бранят в Парагвае, но люди там необразованны и не имеют никакого уважения к жрице, что стоит на боевом посту в храме в Веймаре. Чего только о ней не рассказывают!№

Да и о нем ходит много историй, о ее муже, рыжебородом Форстере. И над ним иногда смеются, но смеются сквозь слезы, как смеются в трагикомедии. Ах, как все это было грустно! Как много великого и искреннего вдохновения, прекрасного и наивного, как это всегда бывает, когда оно искренно; как много мужества, и труда, и детских недоразумений! Новая Германия в "обетованной земле", свободная, великая, прекрасная, - как должно было биться сердце у этого человека! А потом разочарование, а может быть, и пуля.

Это был вожак. Но и до него, и с ним вместе, и после него эмигрировали также и другие. Графы, бароны, дворяне, офицеры и юнкера, очень странная компания: люди, для которых молодая Германия стала слишком обширной и которые хотели обрести свой старый милый узкий мир!№ в Америке. Мне пришлось видеть однажды в Тэбикуари одного гусарского ротмистра, который рыл колодец, возле него стоял его друг, кирасир, который командовал. И у обоих не было ни малейшего понятия о том, как роют колодцы, они играли, словно два мальчика, которые хотят прорыть дыру через весь земной шар. В другой раз я зашел как-то в лавку:

Пожалуйста, коньяку. - Но мекленбургский граф продолжал спокойно сидеть на своем стуле, углубленный в чтение старого-престарого номера немецкой газеты.

Дайте же мне бутылку коньяку. - Он не пошевелился.

Черт возьми! - крикнул я. - Я хочу бутылку коньяку!

Тут только он решился ответить, обеспокоенный моим криком: - Так берите же его! Вон он там стоит!..

Они очаровательны, эти люди из "мертвого времени" среди "девственного леса". Они едва прокармливают себя тем скромным капиталом, который привезли с собой, и кое-как поддерживают свое существование земледелием и скотоводством; они как дети теряются перед теми требованиями, которые им предъявляет жизнь там, на чужой стороне. Они

вызывают невольный смех, но смех сквозь слезы.

Везде в этих странах гостей принимают с распростертыми объятиями. Безразлично, к кому попадешь: к немцам, французам, англичанам, испанцам или итальянцам - всякий рад заезжему гостю в своем уединенном имении. К услугам гостя все самое лучшее, совершенно чужой человек становится хозяином на каждой плантации; гостя просят только об одном: чтобы он как можно дольше оставался, а лучше всего - чтобы совсем не уезжал. У немцев-аристократов, конечно, также можно жить, но, само собою разумеется, при несколько иных условиях, ибо это не простые смертные. Быть принятым ими - большая честь. Однако в таких случаях человеку. Который попал к ним, не очень-то хорошо живется, а кроме того, за эту честь приходится очень дорого платить. Но хозяева никогда не называют своего дома гостиницей - это неприлично - нет, это пансион, а пансион может спокойно содержать каждая баронесса. И при этом хозяева не позаботятся даже о том, чтобы у гостя были вычищены сапоги, они только берут деньги. Почти у всех пансион[№] и раз в десять лет в таком пансионе поселяется непритязательный жилец.

Вот я и устроился в пансионе графини Мелани. Какая она была, вы легко можете себе представить: пойдите как-нибудь утром в Тиргартен, там вы всегда увидите такую даму верхом на лошади. На ней всегда безобразный маленький цилиндр и черная амазонка, изобретатель которой, наверное, был самым непримиримым врагом женщин. Дама всегда очень белокурая, костлявая и тощая типичная немецкая полковая дама. Если случится познакомиться с одной такой дамой, то потом приходится кланяться всем - так они похожи друг на друга. Увидя графиню Мелани, я подумал, что уже имел честь[№] но оказалось, что она это лучше знает и что я никогда еще не имел чести[№]

Ей очень хотелось, чтобы ей давали не более тридцати пять лет, а между тем она уже не менее четверти века прожила в этой стране. Она была богата и могла жить очень хорошо, но жила очень скромно и скверно. Свое хозяйство она вела так же, как вел ее отец, ругаясь с пеонами и скакала верхом. В черном платье и в дамском седле - это было единственное, что соответствовало ее полу. Когда она делала распоряжения, то можно было подумать, что это командует прусский ротмистр. Она крикнула резко и пронзительно, так что голос ее раздался далеко кругом: "Мари!" Мари пришла, и на этот раз я не ошибся: я узнал ее: это был не кто иной, как барон фон Фридель. На нем была черная амазонка, такая же, как и у графини; он привел двух лошадей и остановился с ними под самым моим окном. Графиня взяла поводья и галантно подставила ему руку. Он поставил ногу на ее руку и вскочил в седло - в дамское, конечно. После этого графиня также вскочила на свою лошадь, и обе амазонки усаkali в лес.

Итак, графиня Мелани была последовательницей Медеи и стокгольмской экстравагантной дамы. Если первая была комедиантом, а вторая - учителем, то она была лейтенантом. И она была тем более мужчиной, так как солдат более мужчина, чем какой-нибудь кандидат или юный герой. И наоборот, барон Фридель стал более женщиной, так как он теперь разгуливал в женском платье и состоял при графине в роли субретки.

В этот день я его не видал больше, но на следующее утро я встретился с ним на веранде. Он сейчас же узнал меня, и я кивнул ему. В то же мгновение он повернулся и убежал. Час спустя он пришел ко мне в мою комнату в мужском костюме.

Вы намерены долго остаться здесь? - спросил он.

Я ответил, что на этот счет у меня нет никаких определенных планов и что я так же спокойно могу уехать сегодня, как и через несколько недель. Тогда он попросил разрешения уехать вместе со мной; он прибавил, что лучше всего было бы уехать сейчас же. Я стал извиняться перед ним и сказал, что совершенно случайно попал сюда и никоим образом не хочу мешать ему в его тускулуме у амазонки. Пусть он спокойно остается на месте, а я уеду один, раз я его стесняю.

Он сказал:

Нет, дело совсем не в этом. Дело в том, что я снова стал другим. Я должен сегодня же уехать во что бы то ни стало. Я не могу оставаться здесь больше ни одной минуты.

После этого мы с полгода не разлучались Мы охотились в Шако. Я охотно признаюсь, что барон Фридель заткнул меня за пояс и как наездник, и как охотник. У нас было несколько приключений не совсем-то безопасного свойства, все это только от того, что он не оставлял в покое ни одной индейской девушки, которая хоть сколько-нибудь соответствовала европейским требованиям. Одну он несколько дней таскал повсюду, посадив ее перед собой на седло. В Ассунционе, в консульстве, его ожидало приятное известие о том, что его последняя тетка умерла и что он обладатель весьма значительного состояния. Мы отправились вместе в Европу, и я был очень рад, когда он сошел на берег в Булоне. Дело в том, что на пароходе он вел себя самым невероятным образом. Он играл в карты,пил и буянил каждую ночь до тех пор, пока наконец не засыпал в курительной комнате. Что касается пароходного буфета, то в этом отношении его не стесняли и даже шли ему навстресу, но несколько девушек, ехавших в третьем классе, пожаловались капитану на него, так как он слишком нахально приставал к ним. Последствием этого были скандал, сплетни и пересуды. Несмотря на это, он нашел удобный случай соблазнить молодую жену одного купца; и он сделал это так дерзко, так беззастенчиво, что я и теперь еще не могу понять, как этого никто, кроме меня, не заметил. У меня осталось такое впечатление, что будто все это он делал под давлением непреодолимого внутреннего побуждения, из страстного желания постоянно давать доказательства самому себе в своих мужских наклонностях. Должен признаться, что это ему удавалось как можно лучше.

Это было за год до его смерти. Пуля сразила его в замке Айблинг, куда он удалился сейчас же по своем возвращении в Европу. Там он жил вдали от всякого общества, ведя уединенный образ жизни в полном смысле этого слова: ему прислуживали старые слуги, и, кроме них, он почти никого не видел. Иногда он ездил верхом по буковым лесам, но большую часть времени проводил в библиотеке замка. Все это я знаю от Иосифа Кохфиша, его управляющего, который давал мне на несколько недель заметки своего господина. Я говорю: заметки - потому, что это - единственное слово, которое хоть сколько-нибудь соответствует этому странному писанию. По всей вероятности. У барона вначале было намерение записывать в эту книгу в черном переплете свои мемуары; но вскоре вместо этого он стал вести в ней нечто вроде дневника, однако и дневник через несколько страниц прервался набросками. Стихотворениями и различными наблюдениями. Потом все снова перепутывалось без всякой связи и последовательности. Эта толстая книга отличалась еще одной странностью: записи были сделаны двумя почерками. Начиналась она прямым, уверенным почерком барона - я хорошо знал этот почерк; первые две дюжины страниц были исписаны исключительно им. Потом вдруг на следующей странице появлялся изящный мелкий дамский почерк, и им были написаны страниц двадцать подряд. Далее опять следовал энергичный почерк барона Фриделя, который, однако, вскоре во второй раз сменялся женским почерком. Чем дальше, тем чаще перемешивались эти два почерка; под конец можно было встретить оба почерка в одной и той же фразе. В конце концов я мог установить, что все стихотворения - за исключением двух - а также прекрасный очерк о музыкальном искусстве Л. Фон Гофмана и два подражания Альфреду де-Виньи были написаны исключительно женским почерком. Но наряду с этим следующие произведения были написаны только рукой барона: целый ряд эпизодов из войны с бурами, очень точный критический разбор влияния Гофмана на французов XIX столетия, обширная критика стихотворений Вальтера Уитмана у которого он не оставил в целости ни одного волоска, и, наконец, обстоятельная и подробная статья по поводу шахматной игры, в которой он рекомендовал новый вариант открытия Рюи Лопеца.

Быть может, одно из стихотворений, написанный рукой барона, - другое стихотворение представляет собой настоящую пьяную разгульную песню - прольет некоторый свет на личность барона, а потому я привожу его здесь.

ГОСПОЖЕ ФОН ВАРЕНС

Твои глаза волшебные ответят,

И поцелуй твой мудрый объяснит,

Как может искра, что внутри горит,
Зажечь края, где алый пламень светит?
Ты деве поцелуй дала - и вот
От уст твоих уж юноша идет,
И дочь твоя, к нему прижавшись нежно,
Ему приносит дар любви мятежной №
И все изменит в нем ее любовь,
Ее лобзаний сладостное счастье,
И женщиной к тебе порой ненастья,
О, женщина, является он вновь!

Я уверен, что заглавие этого стихотворения взято исключительно из воспоминаний о Руссо. У меня нет никаких данных, на основании которых я мог бы заключить, взята ли тема для стихотворения из личного переживания или же оно представляет собой исключительно только плод фантазии: так или иначе, но содержание этого стихотворения позволяет нам довольно глубоко заглянуть в душу автора и дает яркую картину психики барона, о чем, впрочем, я уже составил себе понятие на основании всего того, что мне стало известно о его жизни. Эта картина, конечно, может показаться очень странной, однако это все не так невероятно, как может показаться с первого взгляда. Прежде всего сексуальная жизнь барона не представляла собой ничего исключительного - если бы она даже она в этой весьма ярко выраженной форме и могла показаться интересной - и, конечно, не была единичным случаем. Напротив, я утверждаю, что мне не приходилось встречать ни одного индивида, в особенности среди художников, которого модно было бы назвать психически однополым в самом узком смысле этого слова.

Отдавая должное нашей мужественности, нельзя, однако, отрицать, что в нас постоянно проявляется женственность, - и отлично, потому что иначе это было бы большим недостатком. Также и другой момент, который у барона проявляется таким резким образом: сознание единства с женственной частью своей психики представляется странным лишь при поверхностном взгляде - в сущности же, это надо признать вполне естественным и даже нормальным. Ибо, если во вполне мужском теле с чисто мужскими сексуальными ощущениями живет психика - я беру это слово как образ, чтобы быть проще и понятнее - если живет такая психика, которая при известных обстоятельствах ощущает по-женски, то все-таки это ощущение не может быть достаточно сильно, чтобы побороть те преграды, которые совершенно естественно препятствуют сближению с мужчиной. Таким образом, как до этого, так и после остается инстинктивное тяготение к женщине, и если даже это тяготение вопреки психике носит в себе женский элемент, то все-таки мы имеем здесь лишь кажущееся однополое чувство: в основании неизбежно оказывается коренное влечение мужчины к женщине, которое в своем женском ощущении лишь скрывается под маской однополого чувства. Итак, в случае с бароном фон Фриделем я вижу не что иное, как резко выраженный наглядный пример явления, которое довольно часто наблюдал, хотя и не в такой резкой форме. Мне кажется, что доказательством верности моих выводов является тот факт, что при подобной метаморфозе сексуальной психики всегда избирается партнерша. Которая, в свою очередь, уже сама по себе более или менее проявляет чувство мужчины. Про одну из таких дам я могу с уверенностью сказать - в этом нет никакой нескромности с моей стороны, так как я от нее самой получил на это разрешение, - что она никогда в своей богатой переживаниями жизни не поддерживала связей с мужчинами, за исключением связи с бароном. Во внезапном чувстве, являющемся к тому или другому мужчине у женщин, вообще пренебрегающих мужчинами, надо предполагать известную реакцию, в силу которой снова просыпается всегда в каком-то уголку скрывающееся и дремлющее женское чувство; или же надо допустить, что такие женщины инстинктивно чувствуют в мужчинах с женским чувством именно этот женский элемент - по всей вероятности, и то и другое вместе. Как бы то ни было, но эта странная любовь, которую старая басня Платона о трех полах из древнего времени представляет мне в совершенно новом свете, действительно, очень забавна в том

виде, в котором она является нам. Для непритязательного буржуа она нечто в высшей степени простое: любовь между мужчиной и женщиной. Однако при ближайшем рассмотрении чувство это оказывается вдруг чрезвычайно сложным: это любовь мужчины, чувствующего себя женщиной и как таковая любящая все-таки не мужчину, а женщину - но женщину, которая, в свою очередь, чувствует как мужчина и все-таки любит не женщину, а мужчину! И эта запутанная проблема в конце концов разрешается очень просто: нормальное чувство с обеих сторон с едва заметной примесью извращения.

При всем этом история барона Фриделя, которая могла бы представить собой прекрасный материал для психолога, изучающего сексуальный вопрос, не заинтересовала бы меня так сильно, если бы в заметках барона не было указания на то, что подразделение его психики на мужские и женские чувства далеко переходило через границы того, что мы до сих пор старались объяснить. Почти все эти указания находятся в конце книги и по большей части написаны рукой барона, но некоторые страницы написаны женским почерком. Необходимо, чтобы я их передал в последовательном порядке, хотя очень часто в них пропадает внутренняя связь и существенно попадает только изредка, словно изюм в тесте. Достоин внимания то обстоятельство, что во всей последней части заметок много фантастического, и на меня это производит такое впечатление, хотя и безотчетное, будто это происходит от странной борьбы двух враждебных инстинктов. Быть может, это то и придает отдельным частям заметок нечто искусственное, тогда как барон - каким, по крайней мере, я его знал - при всей своей способности глубоко чувствовать и тонко понимать никогда не переступал границы дилетантизма.

Стр. 884. Почерк барона.

Серые крабы быстро бежали по земле в этот вечерний час, когда сгущались сумерки. Их было бесчисленное множество; казалось, словно ожила вся земная кора: повсюду раздавалось сухое шуршание отвратительных животных. Тут были крабы всевозможной величины: маленькие, не шире моего ногтя, а другие величиной с тарелку, были крабы-уроды, у которых одна клешня была совсем крошечная, а другая несоразмерно большая, больше всего его тела; были тут также крабы, напоминавшие пауков, волосатые, с сильно выпуклыми глазами; были ядовитые, продолговатые крабы, словно громадные клопы. Вся земля на далеком протяжении была взрыта, из глубоких расселин вылезали все новые и новые крабы. Я не мог дальше ехать верхом и должен был спешиться и повести лошадь на поводу; она осторожно пробиралась вперед, отыскивая дорогу.

Из земли выползали все новые и новые крабы. И все ползли по одному направлению: на запад, где садилось солнце. Ни один не уползал в сторону, вправо или влево; все ползли, как по нитке; эти восьминогие животные твердо держались одного направления. Я знал, почему они ползут туда: там, где-то на западе, наверное, лежит какая-нибудь падаль, которую покинули коршуны с наступлением вечера. Или же - да, да, так это и есть - крабы направляются к кладбищу, - к кладбищу Сан-Игнацио: сегодня утром там похоронили трех пеонов, которые умерли от болотной лихорадки всего за какой-нибудь час до похорон. Вчера еще я видел всех троих, они были пьяны и буянили перед трактором. А завтра, едва взойдет солнце, на взрытой земле будут лежать только их кости, объединенные дочиста - их тела, которые я видел вчера живыми, будут разделены на миллионы желудков этих отвратительных серых крабов.

О, как они безобразны! Ни один индеец не дотронется до поганых животных, которые мародерствуют на их кладбищах. Одни только негры едят их. Они ловят их, откармливают и варят себе отвратительный суп из них. Или же просто хватают их живьем, отламывают у них клешни и высасывают их. И на обезоруженное животное нападают другие крабы и пожирают его живьем: от него не остается ни одного крошечного кусочка. Крак, крак, ломается панцирь и скорлупа.

Эта женщина, я знаю, не что иное, как большой, отвратительный краб. Но неужели я превратился уже в падаль, которую она почуяла, которую она хочет выкопать и сожрать,

обглодать добела все мои кости? О да - она хочет моего мяса, чтобы самой жить. Но видишь ли: я не хочу тебе позволить съесть себя. Напротив, я уничтожу тебя - я отломаю у тебя клешни и высосу их, как негры№

Стр. 896. Почерк барона.

Однажды во время моего пребывания в Буэнос-Айресе я был как-то в Theater Royal. Мы сидели в ложе - Вальтер Геллинг, две кокотки и я. Мы пили шампанское, много шумели и задвинули, наконец, решетку. Никто из нас почти не смотрел на сцену, только иногда кто-нибудь выкрикивал из ложи в залу какое-нибудь грубое замечание№ так мы острили. На сцену вышла певица - ах, да ведь это была подруга Уитлея; мы выпили за ее здоровье и выкрикнули ей, что желаем ей к рождению близнецов, - весь партер загоготал от восторга. Когда наконец на сцене появилась девушка с Looping-de-Loop, то Геллинг был до такой степени пьян, что едва издавал какие-то нечленораздельные звуки; капельдинеры стащили его вниз, и обе женщины повезли его домой. Я остался один и продолжал пить.

Потом выступили три молодых янки, глупые, безобразные парни, которые орали глупые песни. Публика свистела, шикала, бранила их и посылала к черту, но парни все-таки вернулись назад, на сцену. На этот раз они не пели, они плясали, отбивая такт матросского танца своими твердыми каблуками. Все скорее двигались их ноги, все сильнее отбивали ноги по песчаному полу. Я посмотрел в программу - это были трое Диксонов.

Когда я снова посмотрел на сцену, то Диксонов там больше не было - я видел только шесть ног, которые в бешеном темпе отбивали такт, семенили, стучали друг о друга и топали по доскам. Шесть ног, шесть стройных черных ног. Занавес опустился, и публика стала аплодировать. Люди ничего не заметили и теперь ничего не видели, когда - одна за другой - к рампе подошли шесть ног, отвешивая поклоны. Шесть черных ног трех Диксонов.

Кто украл у них туловища? Нет, это было не так - наверное, нужны были ноги, а не их тела. Тела ничего не стоили: безобразные головы, впалые груди, узкие плечи и обезьяньи руки - кому все это нужно? Но эти шесть ног: со стальными мускулами, стройные, сильные - шесть великолепных ног!

Моя гостиница находилась на улице 25 Мая. Рядом, в опустевшем казино, раздавался еще шум; я зашел туда. На сцене были три женщины Грациэлла-трио - так гласила программа. Это были скучные белокурые девушки в длинных синих платьях, с разрезом на боку. Они пели какую-то песнь и во время припева высоко поднимали юбки вверх. Нижних юбок на них не было, ноги были в черном трико. Это были стройные, сильные, стальные ноги№ и я сейчас же увидел, что эти ноги принадлежали трем диксонам.

Меня охватил страх№ я знал, что и у меня что-нибудь украдут. Не одни только ноги№ все. Но это продолжалось только одно мгновение, потом я расхохотался. Мне вдруг пришло в голову: что если Диксоны застраховали себя против кражи? Наверное, эти три женщины отдали им свои тощие, старушечьи ноги, а сами разгуливают по свету на прекрасных диксоновских ногах. Но как же Диксонам сказать, что их обокрали, - ведь страховое общество, конечно. Откажется уплатить им, и тогда дело дойдет до суда.

Я пошел в гостиницу и написал трем Диксонам письмо. Я предложил себя в свидетели№

x x x

Большие сады.

Стр. 914. Женский почерк.

Не в Цинтре, не в Искиа и не в Эсте. И не тот темный в Чизльхерсте, и не в Лакроме, и не в Шверине. И не волшебный сад в Гаити, который развел немецкий поэт, когда он разыгрывал консула в негритянской стране.

Нет, нет, не они. Быть может, все - и все-таки ни один из них. Быть может, каждый из них по разу - когда падает истинное слово; когда нечто, что было, сожрет то, что существует теперь; когда прошедшие времена превратятся в будущее, когда прекрасная ложь разобьет грязную правду.

Быть может, тогда.

Усталая, еду я верхом на лошади в вечерних сумерках. По полям и по лесам - где-то. Но вот я доехала до стены, до длинной серой стены, а по обе стороны - высокие деревья. Там, там за ней находятся большие сады.

Когда-нибудь стена разрушится; в одном месте только узкая решетка скрывает тихие тайны. Я должна посмотреть на нее. Длинные дороги, ровные луга, и все беспредельно. Густые кустарники, в которых спят сновидения, темные пруды с лебедями, которые будут петь в ночную пору. И ни одного звука, ни малейшего, едва слышного, звука.

Если я увижу ворота, то сойду с седла, поцелую ноздри своего вороного коня. Хлыстом я слегка ударяю по тяжелому железу - теперь, я знаю, раскроется решетка. Тихо, тихо - петли не заскрипят. Широко распахнутся громадные ворота - и меня примет в свои жадные объятия большой сад.

Вдали, под платанами идет прекрасная женщина. Когда она идет, шаги ее звенят, подобно звону синих колокольчиков; когда она дышит, ее дыхание светится, подобно серебристому туману. Когда она улыбается, соловьи забывают петь, когда она говорит, с ее губ скатывается жемчужина. "Мальчик, - говорит она мне, - милый мальчик". И я так рада, что она меня, маленькую девочку, называет мальчиком.

"Милый мальчик," - говорит она мне и целует мои руки. Когда она берет мои руки и целует их, то мне кажется, что нет ничего на свете, что могло бы сказать мне так много. Великий покой светится в глазах прекрасной женщины и великий, сладостный покой будет меня лобзать, скоро - лишь бы мне увидеть ворота.

Но никогда не найти мне ворот. Когда-нибудь стена разрушится; в одном месте только узкая решетка скрывает тихие тайны, в нее я загляну. Густые кустарники, темные пруды, длинные, длинные дороги, и все беспредельно. Потом опять стена, длинная серая стена, и по обеим сторонам высокие деревья.

Усталая, еду я верхом на лошади в вечерних сумерках. По полям и по лесам - где-то.

x x x

Стр. 919. Почерк барона.

Я хорошо знаю, что это была шутка, и я от души смеялся бы над ней, если бы это случилось с кем-нибудь другим. Я не могу переварить этой дерзкой обиды еще и сегодня, десять лет спустя. И если мне придется когда-нибудь встретиться с графиней или с тем пошлым остряком, который внушил ей эту мысль, - то отхлещу их по лицу своим хлыстом.

Черт возьми - ведь графиня Изабо не была святой! Она была любовницей гусара, и польского скрипача, и господина Сташинга. Я почти уверен в том, что она была также в связи со своим шофером. Я Бог ее знает, с кем еще. Почему я тогда за ней ухаживал - да просто потому, что она мне нравилась, потому что она была красивая женщина и была в моде, когда я жил в Спа. Да, я много труда положил на то, чтобы добиться ее благосклонности, гораздо больше, чем ради какой-нибудь другой женщины. Наконец, во время бала в казино дело наладилось. Мы сидели в нише, и я заговорил с ней - я знаю, что говорил хорошо. Она бледнела и краснела от этих жгучих слов, которые врывались в ее изящные уши и прожигали ее мозг. Она не протянула мне даже руки, когда встала, она только сказала: "Придите ко мне в замок сегодня ночью в три часа. Вы увидите свет в одном окне, влезьте в него. И она быстро ушла, пошла танцевать кадрили с каким-то финским художником.

Ночью я перелез через решетку сада и побежал к замку. Я сейчас же увидел окно, в котором мерцал свет сквозь закрытые ставни. Я взял лестницу, которая стояла у стены, быстро влез по ней и тихо постучал в окно. Но никто не ответил мне. Я постучал еще раз. Потом я осторожно открыл окно, раздвинув ставни и вошел в комнату.

Я сейчас же увидел, что попал в роскошную спальню графини Изабо. На диване лежало ее платье, ее шелковое желтое платье, которое на ней было вечером. Она сама - ах, свеча горела там, за пологом. Там была ее кровать она там. Тихо назвал ее по имени - ответа нет; только тихий шорох раздался из-за полога. Я быстро разделся, подошел к пологу и отдернул

его. Там стояла широкая низкая пышная кровать графини - пустая. К ножке кровати был привязан старый, тощий козел, который таращил на меня глаза. Он поднялся на задние ноги и громко заблеял при виде меня.

Не помню, как я оделся. Лестницы у окна больше не было, и я должен был спрыгнуть вниз. Быть может, это мое воображение, но мне показалось, что я услышал, как смеялись два голоса, когда я бежал через сад.

Рано утром я уехал из Спа. Случайно я познакомился в Гамбурге с Амундсеном и отправился с ним на Север.

О нет, это вовсе не было шуткой: это было низкое, возмутительно оскорбление, это был афронт, какого я еще ни от кого не получал. Тогда я еще не отдавал себе полного отчета в случившемся, я чувствовал себя оскорбленным и униженным - в от и все. Но теперь я смотрю на все это иначе. Если бы она взяла козу, то это было бы шуткой. Это была бы дерзкая, обидная шутка, но все-таки шутка, остроумная шутка. Этого нельзя отрицать. Тогда казалось бы, что она хотела мне сказать: "Глупый, самоуверенный мальчишка, ты хочешь покорить графиню Изабо? Ту, которая выбирает возлюбленных по собственному желанию? Ах, уходи, мой милый, и утешься со старой тощей козой - она для тебя достаточно хороша!"

Но она выставила мне козла.

Она сделала это с определенной целью, наверное с определенной целью! О, никогда еще мужчина не был поруган так неслыханно!

Стр. 940. Почерк барона.

У Кохфиша, моего управляющего, солитер. Несчастный уже несколько лет мучится, выходит из себя иногда, но в общем это очень веселый человек. Он не хочет проделать простого лечения; оно, правда, неприятное, но продолжается всего только два дня. Но предпочитает мучиться всю жизнь и всю жизнь не расставаться с подлым животным.

Господи, если бы я был на его месте! Но того паразита, которого я ношу в себе, никакими силами не выгнать из меня!

Прежде мне казалось, что я на подмостках. Я ходил по сцене, был весел или печален, смотря по роли; я играл довольно сносно. Потом я вдруг исчезал, погружался в забвение, а вместо меня продолжала играть женщина. Все это происходило без единого слова - я уходил, а она оставалась там. Что я делал, сходя со сцены, я не знаю, - вероятно, спал долго и крепко. Пока не просыпался - тогда я снова выходил на сцену, а женщины уже больше не было. Но когда я подумаю, как происходили эти переходы, - то ничего не могу ответить на это. Только в одном случае я могу дать себе отчет.

Это было в Монтрее, штат Коахила.

Круглая арена, амфитеатр - дощатый балаган, как везде. Крики, галдеж на всех скамьях. Полицмейстер в своей ложе, толстый, жирный, с множеством бриллиантовых колец на пальцах. Индейские солдаты кругом. На местах на солнце: мексиканцы, индейцы, испанцы, среди них несколько мулатов и китайцев. На теневых местах - иностранная колония, в верхних ложах - немцы и французы. Англичане отсутствуют - они не ходят на бой быков. Самые ужасные крикуны: янки, чувствующие себя хозяевами, железнодорожные служащие, горнопромышленники, механики, инженеры - грубые, пьяные. Рядом с ложей полицмейстера, посреди теневой стороны, расположился пансион мадам Бакер, девять раскрашенных белокурых, расфранченных женщин. Ни один кучер не согласился бы дотронуться до них в Гальвестоне или Нью-Орлеане; здесь мексиканцы дерутся из-за них и осыпают их бриллиантами.

Четыре часа. Уже час тому назад должно было начаться представление. Мексиканцы ждут спокойно и изливают на девиц мадам Бакер целые потоки огненных взоров. Они жеманятся, наслаждаясь этим свободным временем, когда на тела их посягают одни только взоры. Но американцы начинают терять терпение, они кричат все громче:

Пусть выходят женщины! Проклятые женщины!

Они доканчивают свой туалет! - кричит кто-то.

Пусть выходят голые старые свиньи! - кричит один долговязый, тощий. А солнечная сторона ржет от восторга:

Пусть выходят голые!

На арене показывается шествие. Впереди идет Консуло да-Ллариос-иБобадилла в огненно-красном костюме, с раскрашенными губами, с густым слоем синеватой пудры на лице. Она туго затянута в корсет, и громадные груди подпирают ей подбородок. За ней идут четыре толстые и две тощие женщины, все в узких штанишках, они изображают тореадоров; грубое впечатление производят из ноги - у одних слишком короткие, у других слишком длинные. За ними следуют еще три женщины верхом на старых клячах - это пикадоры, у них в руках пики.

Народ ликует, хлопает в ладоши. Сыплется целый град двусмысленностей, отвратительных острот. Только одна из девиц мадам Бакер невольно подергивает губами - не то из сострадания, не то из маленького чувства солидарности. Женщина, изображающая альгвазила, в черном бархатном пляще, приносит ключи; это одна из самых отвратительных гетер города: толстая и жирная, напоминающая откормленного, который весь расплывается. С треском раскрыла она ворота. Молодой бычок, скорее теленок, спотыкаясь, выходит на арену. Но у бычка нет никакого желания причинять кому-либо зло: он громко мычит и хочет повернуть обратно. Он боится и плотно прижимается к загородке, в щели которой индейские мальчишки тыкают в него палками, стараясь подбодрить его. Женщины подходят к нему и размахивают перед ним красным плащом, кричат, дразнят его - но результат получается только тот, что бычок поворачивается и плотно прижимается головой к шатающимся воротам. Консуэло, знаменитая "Fuentes", собирается с духом и тянет бычка за хвост - как она, по всей вероятности, тянет за усы своего фурмана.

Мексиканцы кричат:

Трусливая банда! Трусливый бык! Трусливые женщины!

А один пьяный, как стелька, янки беспрестанно орет:

Крови! Крови!

Дамы-пикадоры погоняют своих кляч. Длинной узкой шпорой на левой ноге они наносят им глубокие раны в бок и все-таки несчастные лошади не двигаются с места. Другие женщины осыпают ударами толстых палок слабые ноги кляч и тянут их за поводя к быку. А бычка они тыкают палкой с острым наконечником: он должен повернуться и напасть на лошадь.

И он поворачивается. Оба животных стоят друг против друга, бычок мычит, а лошадь ржет под ударами. Но ни тот, ни другой и не думают нападать друг на друга. Бандерильеросы приносят стрелы. Они пробегают мимо бычка и вонзают ему острые наконечники в затылок, в спину, куда попало. Дрожа всем телом, животное позволяет делать с собой все что угодно, в комическом страхе.

Скверный бык! Скверные женщины! - кричат мексиканцы.

Крови! Крови! - орет янки.

Одну из кляч оттаскивают в сторону. Консуэло да-Ллариос-и-Бобадилла велит подать себе шпагу. Она раскланивается, прицеливается и вонзает ее - в бок! Скамьи на солнечной стороне беснуются от ярости: удар должен попасть между рогами, и шпага должна была пробить шею и попасть в сердце так, чтобы бык сразу опустился на колени. Она метит еще раз - попадает в морду. Кровь льется на песок, бедный бычок мычит и дрожит.

Раздается крик толпы, кажется, будто он исходит из глотки великана; народ уже хочет ринуться на арену.

Но пьяный янки покрывает крик толпы своим страшным рычанием:

Так хорошо! Хорошо! Крови! Крови!

Полицмейстер стреляет в воздух из револьвера, чтобы заставить себя слушать.

- Будьте благоразумны! - кричит он. - Ведь в том-то вся и штука! Они вполне друг друга достойны, эта женщина и этот бык!

Тут солнечная сторона расхохоталась:

О! О! Они друг друга достойны!

Между тем женщина продолжает колоть бычка: шесть, восемь, десять раз она вонзает ему в тело шпагу. Один раз она попадает в кость, шпага гнется и падает у нее из рук. Женщина взвизгивает, а животное дрожит и мычит.

Но теперь толпа поняла наконец эту забавную шутку - она смеется, надрывается от хохота.

Одна из жирных тореадоров приносит новую шпагу, но она не хочет давать ее эспаде, она хочет сама нанести удар. Однако та вырывает у нее шпагу; тогда она поднимает с земли упавшую шпагу и обе бросаются на быка. Еще одна женщина, тощая, как скелет, с круглым кинжалом, которым она должна нанести последний удар в голову умирающим лошадям и быкам, не может больше оставаться спокойной: она вытаскивает из-за пояса безобразное оружие.

Все три набрасываются на бычка. Они уже не целятся больше, они наносят один удар за другим. Из их накрашенных губ сочится пена, темная кровь брызжет на золотые шнуры и серебряные блески. Бычок все стоит неподвижно и мычит, а из бесчисленного множества ран льется кровь. Они тянут его за хвост, за ноги, толкают на землю, они наносят ему удары в брюхо. А тощая женщина вонзает ему свой кинжал выше - в оба глаза.

Животное издохло, но женщины продолжают его терзать. Они опустились на колени, лежат на мертвом животном и разрывают его на части. Консуэло да-Ллариос-и Бобадилла раскрывает ему морду и вонзает в нее шпагу по самую рукоятку.

Мексиканцы рычат, надрываются от хохота. Вот так штука, что за великолепная штука! И полицмейстер готов лопнуть от гордости, что пустил в ход такую великолепную политику; он потирает свои жирные руки над брюхом и играет громадными бриллиантами на своей рубашке. Потом он дает знак музыке: раздаются трубные звуки, должен появиться новый теленок на арене!

Тут я увидел, как мадам Бакер встала со своего места. Она подошла вплотную к перегородке, отделявшей ее ложу от соседней; с легким поклоном полицмейстер подошел к ней с другой стороны перегородки. И она ударила его, попав кулаком прямо в лицо.

Толстяк отшатнулся. Кровь закапала с его громадных усов. Все видели этот удар. На мгновение наступило полное молчание: казалось, будто великий капельмейстер одним движением руки остановил оркестр, который играл в невероятно быстром темпе. И в этой внезапной тишине мадам Бакер швырнула дерзко перчатку:

O, you son of a bitch!

Иностранная колония расхохоталась в своей ложе, поняв всю глубину этого грубого комизма: она, мадам Бакер, бросила в лицо оскорбление, назвала "сыном потаскухи" полицмейстера, представителя власти, блюстителя законов и нравственности! Но солнечная сторона поняла только это слово - это слово, которое означает борьбу у них, поединок на ножах, который не знает никаких уступок: ты или я - для двоих места нет!

Война была объявлена, оставалось только примкнуть к той или другой стороне: революция! На одной стороне полицмейстер, а с ним его солдаты, сто отвратительных индейцев с заряженными ружьями в руках. Но мадам Бакер ничего не боялась, она тоже представляла собой силу: губернатор был ее другом, и на теневой стороне не было ни одного человека, который не знал бы ее женщин. Толпа молчала и не спускала глаз с ложи, она колебалась и не знала, к кому примкнуть. Полицмейстера все ненавидели и его стеснительную банду также, но иностранцев ненавидели не меньше. Чаши весов были уравновешены - никто не знал, на которую из них бросить свою кровь.

Тут мадам Бакер подошла к барьеру. То, что она сделала только что, она сделала безотчетно, не подумав даже; но теперь она почувствовала, к чему все это привело: она или он. Она была только продавщицей тела, но она также была уроженкой Техаса и глубоко презирала этого желтого метиса, эту грубую, надутую обезьяну, за бриллианты которого она платила налогом за свое ремесло.

Люди, - крикнула она, - люди Монтерейя! Вас обманывают! Это была жалкая работа

мясник, а не бой быков! У вас украли ваши деньги! Прогоните всех этих женщин с арены, возьмите в кассе обратно ваше серебро!

В "Cristal-Palace" я слышал однажды генерала Бота; я знаю, как он овладевает толпой. И все-таки его влияние было пустяком в сравнении с тем, какое оказала мадам Адель Бакер во время боя быков в Монтерее в Коахиле. Она раскрыла рот толпе, дала волю языкам животных, она, как хлыстом, заставила это животное издать один громкий крик:

Нас обманывают! У нас крадут деньги!

Поднялся вой, все вскочили со скамеек, срывая доски. Тут и там начали бить солдат. Выхватили оружие; из всех карманов появились револьверы и длинные ножи. Тореадоры, сбившись на арене в кучу, распахнули ворота и с криком бросились с арены, предоставляя ее солнечной стороне. Иностранцы встали с мест, поспешно устремляясь к выходу из своих лож. Полицмейстер последовал за ними, но не успел сделать и двух шагов, как ему в спину попала пуля.

Тут все смешалось; где-то на теневой стороне, а потом ближе, где играла музыка, раздавались выстрелы. В пыли и общей свалке раздавались щелчки браунингов, сражая невинных зрителей. Вопли, крики. Солнечная сторона бросилась на арену, а оттуда вверх, на логи.

Революция.

Мадам Бакер толкала своих женщин. Сама она взяла на руки маленькую Мод Байрон, которая лишилась чувств и лежала у нее на руках как мешок. Мадам Бакер не произнесла больше ни слова, она быстро спустилась с лестницы. Толпа расступалась перед ней, я видел, как один снял шляпу. Она позвала своего кучера, сама помогла ему усадить в экипаж свой товар, а сама села на козлы, взяла вожжи и щелкнула бичом над четверкой лошадей.

Шантеней вывел меня из логи.

Ты с ума сошел! - воскликнул он. - ты хочешь, чтобы тебя убили?

Он дотащил меня до коляски и усадил.

На вокзал! - крикнул он кучеру.

На вокзал? - спросил я. - Зачем?

Да ведь мы обещали Риттеру встретиться с ним завтра в Сан-Педро! В шесть часов начинаются бега, мы будем там только за час до начала. Мы приедем как раз вовремя.

Теперь уезжать? - крикнул я. - Теперь, когда только начинается самое интересное?

Ах, что тут интересного? - воскликнул Шантерей. - Такие возмущения ты часто можешь видеть. Какое тебе дело до революции! Пусть они сами расправляются со своими дурацкими делами!

Я поехал с ним против своей воли - не хватило силы сопротивляться. И это было хорошо: я снова нашел себя самого, когда на следующее утро сидел на английской лошади риттера и принимал участие в скачках. Накануне я сошел с подмостков моей жизни, исчез в небытие, уступил место женщине, которая крадет у меня мое тело.

Случилось это в ту минуту, когда мадам Бакер подошла к барьеру. Я ясно почувствовал, как я точно растаял в это мгновение, как во мне ничего больше не осталось от мужчины, который только что так хохотал над грубой сценой, происходившей на арене. Я дрожал. Мне было страшно. Я готов был спрятаться куда-нибудь, если бы только был в состоянии оторвать глаза от этой женщины, которая мной овладела. А когда я увидел, как она взяла на руки маленькую Мод Байрон, во мне заговорило только одно желание: быть маленькой, жалкой девочкой и лежать на груди этой большой женщины. Я превратился в женщину - в женщину №

Только случай спас меня тогда, случай и Клемент Шантеней. Он поставил двадцать тысяч талеров на лошадь Риттера, и я рад, что помог ему выиграть их.

Стр. 972. Почерк барона.

Когда я вспоминаю прошедшее - это я прожил свою жизнь, я, барон фон Фридель, лейтенант кавалерийского полка и всесветский бродяга. Никто другой. Только на короткие

промежутки времени во мне всплывало другое существо, которое изгоняло меня, отнимая у меня тело и мозг, овладевая мною. Нет, оно овладевало не мною, оно выбрасывало меня. Нет, из меня самого. Как это смешно, но иначе этого выразить нельзя. Но я снова возвращался, всегда возвращался и становился хозяином самого себя. Десять, двенадцать раз, не более, эта женщина вырвалась в мою жизнь. По большей части лишь на короткое время, на несколько дней, на несколько часов только; раза два на неделю, а потом - в течение пяти месяцев, когда - нет, нет: она, а не я! - когда она служила у графини Мелани.

Как все это было в моем детстве, я не знаю. Знаю только, что я всегда был ребенком, я никогда не был ни мальчиком, ни девочкой. Так продолжалось до тех пор, пока дядя не увез меня от моих старых теток. Знаю наверное, что до этого поворотного пункта в моей жизни я ничего не испытывал ни в том направлении, ни в другом. Я был чем-то средним и свою молодость, проведенную в замке Айблинг, я называю нейтральным временем моей жизни.

Уж не имеет ли на меня влияния этот разрушающий замок с его сонными лесами? Тогда я не был ни тем ни другим, ни мужчиной и ни женщиной. А может быть, я был и тем и другим - и спал только. Потом в течение двадцати лет я был мужчиной, который лишь изредка уступал свое место женщине. Но я всегда был чем-нибудь одним: или мужчиной, или женщиной. Но теперь, когда я снова поселился в замке, все как будто смешалось: я мужчина и женщина - и одновременно. Вот я сижу в высоких ботфортах, курю свою трубку и пишу в эту книгу своим грубым, неизящным почерком. Я только что возвратился с утренней прогулки верхом, я травил зайцев борзыми собаками.

Я перелистываю две страницы назад - оказывается. Что вчера я писал в это же время неестественным женским почерком. Я сидел у окна, в женском платье, в ногах у меня лежала лютня, под аккомпанемент которой я пел. По-видимому, я музыкален, когда становлюсь женщиной, - вот тут записана песня, которую я сочинил, переложил на музыку и пел: "Грезы, дремлющие в буках".

"Грезы, дремлющие в буках"! Прямо тошно! О Господи, Боже Ты мой, до чего я ненавижу эту сентиментальную женщину! Если бы только найти хоть какое-нибудь средство, чтобы изгнать этот отвратительный, подлый солитер!

Стр. 980. Почерк барона.

Вчера вечером я был в деревне. У Кохфиша было какое-то дело к леснику, и он попросил меня заехать к Беллингу, нашему мяснику, и лично сделать ему наконец выговор за дурное мясо, которое он нам присылал на прошлой неделе.

Я поехал к мяснику верхом, был вечер, и когда я к нему приехал, то наступали уже сумерки. Я крикнул, но никто не появился в дверях. Я крикнул еще раз, тогда в окно выглянула свинья. Наконец я сошел с лошади, отворил дверь и вошел в лавку. Там никого не было, ни одного живого существа, за исключением большой свиньи. Свинья отбежала от окна, стала за прилавком и положила передние ноги на мраморную доску. Я засмеялся, а свинья захрюкала. Чтобы рассмотреть ее хорошенько, я чиркнул спичкой и зажег газ.

Тут я хорошо увидел - я увидел!

На свинье был фартук, и за поясом торчал широкий ножик. Она продолжала опираться передними лапами о прилавок и хрюкала; мне казалось, будто она спрашивает меня, что угодно. Я продолжал смеяться, мне понравилась эта остроумная выдумка мясника, который так хорошо выдрессировал свинью, что она может заменять его. Однако я все-таки хотел повидать мясника, чтобы передать ему то, зачем я приехал; я крикнул: "Беллинг! Беллинг!" Мой голос

громко раздался в пустом доме, но никто не ответил мне - только свинья захрюкала как бы в ответ. Потом она вышла из-за прилавка, продолжая ходить на задних ногах, и прошла мимо меня в угол. Я обернулся: там на больших железных крюках висели туши - туши двух выпотрошенных людей. Туши были разрублены пополам вдоль, и висели, как висят свиные туши, головой вниз, белые и бескровные. И я узнал их: две половины представляли собою Беллинга, а две другие - его тучную жену. Свинья вынула из-за пояса широкий нож, вытерла

его о кожаный фартук и снова захрюкала; она спросила, - ах, я понял ее язык! - хочу ли я огузок, лопатку или филе? Она отрезала большой кусок мяса, свесила его на весах, завернула его в толстую бумагу и дала его мне. Я взял его. Не будучи в состоянии произнести ни слова, я быстро направился к двери; свинья проводила меня с низкими поклонами. Она прохрюкала мне, что я буду доволен, что у нее только товар первого качества.

Ваш покорный слуга - окажите честь и в другой раз - и№

Лошади моей не было больше перед дверью; я должен был идти в замок пешком. Я держал пакет в руках; мне было идти очень противно, когда я чувствовал, что мои пальцы вдавливаются в мягкое мясо.

Нет, нет, это было слишком противно - я швырнул пакет далеко в лес. Когда я наконец пришел в себя, то была уже глубокая ночь. Я пошел в спальню, вымыл руки и бросился на постель.

Но вдруг - не знаю, как это случилось, - я очутился в дверях кухни. Люди проходили мимо меня, никто не замечал меня. Пришел Кохфиш, я позвал его, но он не слышал. Он подошел к очагу и заговорил с дамой, которая там стояла. На сковороде жарилось филе. Дама крикнула кухарке, чтобы та принесла сливки для соуса. Этой дамой - был я.

Стр. 982. Тут же непосредственно - женский почерк.

Нет, милостивый государь, эта дама была я! Та самая, которая сидит здесь и пишет. Мне нет никакого дела до вас, если даже природа подшутила и заключила меня с вами в одном теле, милостивый государь. Я не имею никаких претензий на это тело, когда оно принадлежит вам, но прошу соблюдать также и мое право, когда я вселяюсь в него. Если вы опять вздумаете преследовать меня и подсматривать за мной, как вчера в кухне, - то вспомните только, что я существую, а вас больше нет! Вы сами меня видите, меня все видят; каждый, кто дает мне руку, ощущает меня. Но вас я не вижу, и никто не видит вас и не ощущает вас. Так что же вы такое? Менее, нежели тень моего отражения в зеркале!

Вы когда-то существовали, когда меня не было. А после, когда я явилась, вы начали притеснять меня, выгонять, вы огнем выжгли всякое воспоминание обо мне. Да, господин барон, вы никогда не переставали разыгрывать кавалера по отношению к той даме, которая вам - как бы это выразиться - была ближе всех. Но теперь вы, конечно, сами видите: вы проиграли; вот причина вашей бешеной злобы против меня, и эта злоба началась с тех пор, как вы стали вести записки. Эта книга, конечно, ваша, милостивый государь, но также и моя: это наша общая книга. Говорите, сколько вашей душе угодно, что я навязалась, что меня никто не звал, что я появилась, не испросив на это вашего любезного согласия, как я не просила разрешения вообще смешивать свою жизнь с вашей. Я имею право на существование, и я существую и пускаю в жизнь все более и более глубокие корни. А вы чахнете, господин барон, вы сохнете и вянете, как дерево, у которого подточены корни. А я унаследую после вас, сегодня же, пока вы еще живы. Верьте мне, скоро я буду полновластной госпожой в этом замке, можете тогда бродить в виде призрака, сколько вашей душе угодно.

Меян очень забавляет делать записи в этой черной книге. Я это сделаю, и в особенности сегодня, только для того, чтобы напомнить вам, что я существую и что вас - в таком случае - нет. Вот посмотрите сюда, мой бедный барон: я сижу здесь, пишу своей рукой.

Стр. 983. Сейчас же непосредственно - почерк барона, более крупный и твердый, чем обыкновенно, написано толстым синим карандашом.

Я, я, я существую! Я сижу здесь! Я пишу! Я хозяин замка! Я позову врачей, лучших профессоров в Европе. Я болен, вот и все! А ты, отвратительная женщина, не что иное, как моя глупая болезнь! Но мы тебя еще выгоним, червяк противный, подожди только!

Ну вот, я послал три телеграммы, одну в Берлин и две в Вену. Кохфиш сейчас же отнесет их на почту. Ах, хоть один из этих господ найдет время для меня и моих денег.

Стр. 984. Женский почерк.

Так, так, господин барон, еще, еще! Забавляйтесь себе вашими мальчишескими выходками, поверьте, я сумею их парировать.

Так, например, как я это сегодня сделала.

Кохфиш доложил о приезде господина тайного советника. Главного врача, профессора доктора Макка. Как это мне импонирует! Я заставила его ждать два часа, потом я наконец вышла. Я сама болезнь, господин барон, по поводу которой вы хотели советоваться!

Он несколько растерялся. "Я думал", - сказал он.

Я была очень любезна. "Вы думали, господин профессор, увидеть мужчину, не правда ли? Но барон настолько же женщина, насколько я мужчина - и сегодня вы видите меня в облике женщины. Вот это-то".

Тайный советник прочел мне целую лекцию относительно Venus Urania; в его лекции не было ни слова, которого я не знала бы уже раньше. Дело в том, господин барон, что вы сами усердно занимались этим вопросом, а я ведь унаследовала и вашу память, как и вообще все остальное. Конечно, профессор принял меня за вас, милостивый государь, и, конечно, он принял вас за приверженца уранизма. Я оставила его в этом убеждении; тем более, что я знаю, как это будет вам обидно, милостивый государь, - это маленький ответ на те глупости, которые вы любите говорить мне в этой книге.

Берегитесь, милостивый государь! Если вы хотели войны - то я принимаю вызов.

Стр. 996. Почерк барона.

Так я еще существую? Неужели я получил от этой женщины милостивое разрешение еще немного побродить по этой грешной земле?

Я не боюсь смерти и никогда не боялся. Но разве я не умирал уже сотни раз - и снова не воскресал к жизни? И разве я знаю - если я теперь живу, что я живу не в последний раз?

Другие люди умирают - и тогда все кончается легкие больше не дышат, сердце перестает биться, кровь останавливается. Мышцы, мускулы, ногти, кости - все истлеет рано или поздно. Но мое тело продолжает жить, моя кровь переливается в жилах, мое сердце бьется № только я сам перестаю существовать. Но разве я не имею права умереть? Умереть, как другие люди?

Почему же я, именно я должен быть жертвой такого сжигающего мозг обмана? Ведь чудес больше нет, и №

Та же самая страница, продолжение той же строчки - женский почерк.

Вы ошибаетесь, чудеса еще бывают, и вы это прекрасно знаете, господин барон! И я помню, что вы сами пережили такое чудо, когда были лейтенантом в Кернтене. Вы ехали верхом по большой дороге, между одним крестьянским домом и сараем стояло большое сливовое дерево. Вы очень любите сливы и сказали: "Ах, если бы они были зрелые!" вы стали искать в ветвях зрелые сливы, но все были зеленые и твердые - через месяц, быть может, они созрели бы! Но когда вы на следующее утро проезжали по той же дороге, то оказалось, что сливы уже созрели.

Разве это не чудо? Конечно. Вы сейчас же нашли подходящее объяснение. Как дом, так и сарай, между которыми росло сливовое дерево, сгорели; пламя не коснулось дерева, но вследствие страшной жары сливы созрели № в одну ночь. Так это и было, но разве не остается все-таки чудо чудом, если даже его можно так или иначе объяснить?

И если мне - или вам - завтра утром придет в голову задуматься над тем, как все это случилось, - как вы превратились в меня, то скажите, господин барон, разве не останется это превращение во всяком случае чудом?

Стр. 1002. Почерк барона.

Той №

Той № той № даме!

Вы назойливы! вы нет, я останусь вежливым. Итак! итак!

Ну, теперь вы берете все, что у меня есть и все, что я есть. Вы прекрасно знаете, как я от этого страдаю. Вы видите, как я схожу с ума, прежде чем я уйду. Нет больше такого места, куда бы я мог бежать от вас. Я прошу - будь я проклят - я прошу - слушайте, я прошу вас оставить мне что-нибудь, куда бы вы не проникали. Должны же вы питать хоть маленькую благодарность к тому существу, которому - ну да - вы всем обязаны. Так оставьте же меня - ведь эта книга - такие пустяки. Не записывайте больше в нее ничего. Дайте мне хоть здесь быть самим собой.

Барон фон Фридель

Стр. 1003. Женский почерк.

Господин барон!

Я отнюдь вам не обязана ничем, ибо я существую вопреки вам, а не благодаря вам. Итак, не из чувства сострадания к моему несчастному простите - жестокосердному отцу я обещаю вам предоставить в будущем нашу - а не вашу - книгу в ваше полное распоряжение. Само собой разумеется, обещание это действительно только до тех пор, пока вы сами, своим поведением не заставите меня нарушить его и снова высказать вам мое личное мнение.

С искренним уважением преданная вам баронесса фон Фридель.

Стр. 1008. Почерк барона.

Я прошел через все комнаты замка. Свои комнаты я хорошо знаю, но ее ее помещение мне неизвестно. Можно сказать с уверенностью, что она имеет кое-какие преимущества передо мной, потому что она хорошо помнит все то. Что случилось, когда она была мною, но я ничего не знаю или почти ничего о том, что происходило, когда я был ею.

Итак, я был в ее помещении. Ее комнаты находятся во флигеле, обращенном к лесу. Это три комнаты: гостиная, спальня и маленькая уборная. В спальне я открыл шкафы и комоды, они полны женских платьев и женского белья. Вдруг отворилась дверь, вошла молодая горничная, которую я никогда раньше не видал.

Целую ручку, баронесса, - сказала она, - прикажете мне помочь вам переодеться?

Я знаком приказал ей выйти.

Итак, у меня есть субретка, когда я становлюсь ею! И моя прислуга называет меня "баронессой", когда я появляюсь в этих комнатах.

Я открыл ящик ее письменного стола. По-видимому, она очень любит порядок: все счета были сложены в пакетики. На бюро лежала записочка: "заказать кедрового мыла. Велеть привезти Crème Simon! Eau d'Alsace!" под этим было приписано: "На всякий случай заказать черное платье, если наконец!"

Если наконец? ну конечно: когда наконец я окончательно исчезну! Тогда она наденет траурное платье. Как это трогательно с ее стороны, как она преданна, эта!

Я выбежал из ее комнаты. У меня все время было такое чувство, словно я вот-вот испытаю превращение. Я захлопнул за собой дверь и глубоко вздохнул словно я себя почувствовал более сильным, чтобы бороться с ней!

Я пошел в комнату тети Кристины. Она была старшая из моих всех трех других. В ее комнате я не был ни разу с тех пор, как снова поселился в замке Айблинг. Станки были закрыты, сквозь щели проникали лучи солнца и слабо освещали комнату. Повсюду лежал густой слой пыли. Запах лаванды распространялся от всех вязаных салфеточек, которыми были покрыты спинки кресел и диванов. На столе стояло под стеклянным колпаком большое чучело мопса.

Это был Тутти, я узнал его, хотя чучело его было сделано очень скверно. Тутти, любимец тети, это отвратительное, злое животное, которое я ненавидел и которое отравило мне детство. Этот мопс всегда ворчал на меня и смотрел на меня злыми глазами, - ах, я не осмеливался войти в комнату, если он там был. Я боялся его, боялся до смерти.

Теперь ему одному принадлежит эта комната, этому набитому тутти под стеклянным

колпаком. Он смотрел на меня своими большими желтыми глазами с выражением той же затаенной ненависти, как и в былые времена. Я никогда даже не дотронулся до него, до этого противного толстого мопса, - и все-таки его стеклянные глаза говорили мне: "Я не прощу тебе!"

Я испугался этого толстого, скверно набитого Тутти под стеклянным колпаком. Этого мертвого безобразного мопса со стеклянными глазами, который смотрел на меня, продолжал ненавидеть меня все еще!

Я испугался, мне снова стало страшно.

Я не мог переносить его взгляда, отвернулся к окну. Но тут стояла она у окна: она широко распахнула окно и раздвинула ставни.

Фанни! - крикнула она на двор, - Фанни! Сейчас же идите сюда и приведите здесь все в порядок. Здесь все покрыто толстым слоем пыли.

Она ушла, а я продолжал стоять у стола. Окно было раскрыто. И вскоре в дверь вошла Фанни с пыльной тряпкой. Я быстро пробежал мимо нее.

Стр. 1012. Почерк барона.

Я сижу за письменным столом - газета лежит передо мною, сегодня 16 сентября. Однако мой отрывной календарь показывает пятое августа. Итак, это длилось очень долго - шесть недель, - меня не было! Я теперь только изредка навещаю этот свет, этот замок, который принадлежит ей.

Но я не хочу уходить, не хочу, не хочу добровольно уступать ей место. Тогда я во всяком случае погибну, только в борьбе для меня существует хоть какой-нибудь шанс на победу. Итак!

Та же страница. Почерк барона.

Я был в ее комнатах. Я велел вынести все платья и все белье. Кохфиш должен был сложить большой костер на дворе. Я вынул все из ее ящиков и комодов, я вынул все, что ей принадлежит. Все было сложено на дворе - я сам поджег костер.

Кохфиш стоял рядом, по его щеке скатилась слеза: не знаю, может быть, причиной был дым. Но я видел, что у него что-то было на сердце, я спросил его, в чем дело. "Вы хорошо сделали, господин барон, - сказал он, - очень хорошо! А то все так перепуталось, что и разобраться было трудно. Он протянул мне руку и пожал ее; это было как бы обещанием.

Ах, Боже, если бы я только мог сдержать его!

Камеристку я отпустил; через Кохфиша я заплатил ей за полгода и сейчас же отпустил ее.

Завтра я уеду. Проклятый мягкий воздух вреден для меня.

Стр. 1013. Женский почерк.

Вы не уедете, господин барон! Но уеду я, хотя бы и в вашем мужском костюме. Я уеду в Вену и закажу там себе новое приданое - камеристка поедет вместе со мной. Берегитесь, милостивый государь, - теперь я не позволю больше шутить с собой.

Стр. 1014. Почерк барона.

Я проснулся в своей постели. Я позвонил, явился Кохфиш. Он ничего не сказал, но я достаточно прочел на его лице. Радостное удивление по поводу того, что я снова здесь. И безнадежная покорность, - ах, долго ли это будет продолжаться!

Я позавтракал. Я прошел по всем комнатам - в них произошла перемена. Все вычищено, мебель и картины переставлены и перевешены. Я хотел поехать верхом и пошел в конюшню. Моих лошадей там больше нет - они проданы. Но там стояли три прекрасные кобылы с длинными хвостами - под дамское седло.

Итак, я оставлен. Всем заправляет она. Она оставила мне только две комнаты: мою спальню и библиотеку, где я работаю. Я еще раз прочел то, что она написала на последней

странице: "Берегитесь, милостивый государь, теперь я не позволю больше шутить с собой!"

Я кое-что заметил. Это хороший знак, и я воспользуюсь им. Мои браунинги торчат у меня из кармана. Я видел ее два раза - тогда, у очага, и в комнате тети Кристины. Наверное, я увижу ее еще в третий раз - и, наверное, в последний.

Та же страница, на ней приписка. Женский почерк.

Вот как, милостивый государь! Ваши браунинги торчат у вас из кармана? Нет, я снова положила их на ваш письменный стол, пусть там лежат! Впрочем, если вам это приятно будет узнать, то и у меня есть хорошенькие дамские револьверы, только вдвое меньше ваших, но они прекрасно сделают свое дело. Я ничего не боюсь, господин барон, храбрый господин барон, который боится чучела Туттхен тети Кристины! Ай, ай, мертвый мопс выскочит из-под своего стеклянного колпака! Лезьте же под кровать, господин барон!

Стр. 1015. Поперек всей страницы - почерк барона.

Потаскуха! Подлая, мерзкая потаскуха!

Стр. 1016. Женский почерк.

Дурак, дурак, непротолченный дурак!

Это была последняя заметка в большой черной книге. Вечером 4 октября Кохфиш услышал выстрел, раздавшийся в ванне. Он бросился туда - на диване лежало, покрытое только простыней, голое тело барона.

О каком-нибудь самоубийстве здесь не может быть и речи. Скорее всего, дело обстоит так, что барон фон Фридель застрелил баронессу фон Фридель или, наоборот, что она его убила, - я этого не знаю. Кто-то кого-то хотел убить она или он, - но отнюдь не самого себя, один хотел убить другого.

И так это и было.